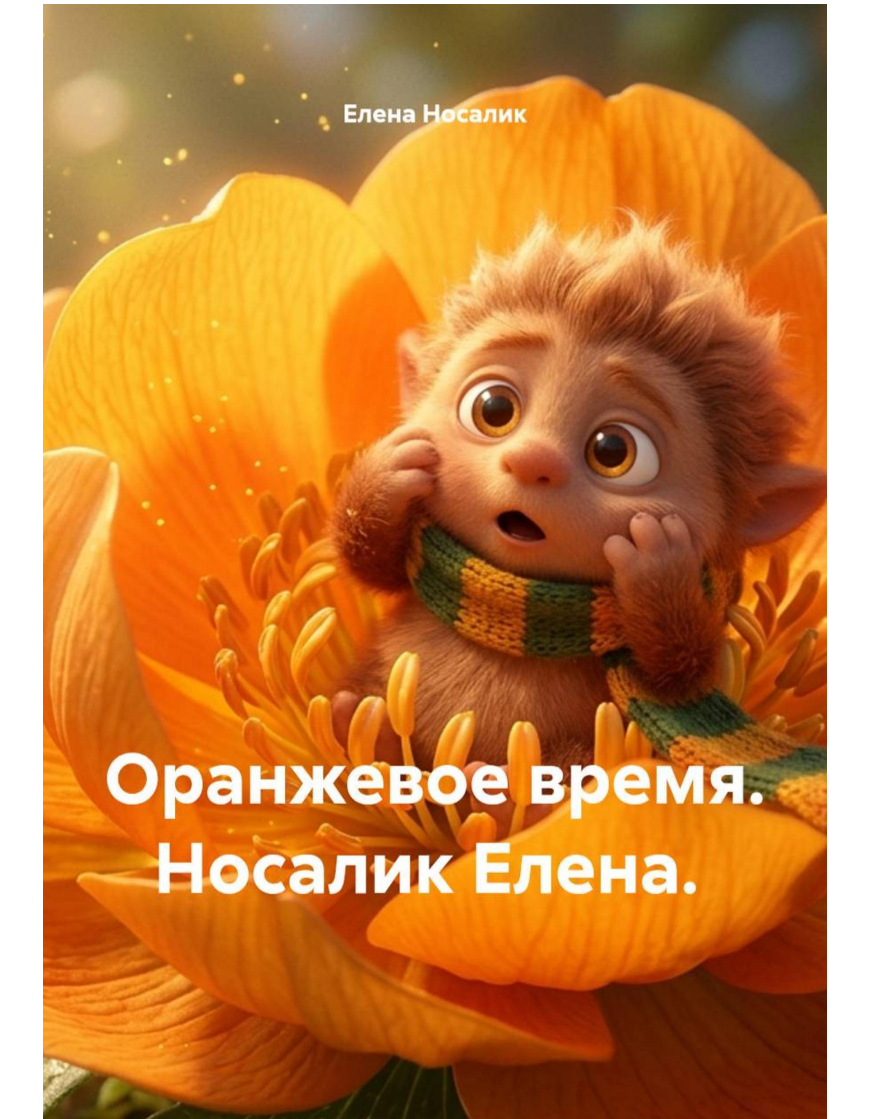




Елена Носалик

**Оранжевое время.
Носалик Елена.**

Елена Носалик

Оранжевое время.

Носалик Елена.

<https://litres.ru/74134118>

SelfPub; 2026

Аннотация

Добро пожаловать в Поле Жарков, где мир сшит из фетра, бархата и детских снов. Здесь пухлый Пыхтик учится дружить, строгая Кнопочка постигает гибкость жизни, а Дядюшка Ох знает, что ванильная печенка — лучший дипломат. Но однажды уютный мир накрывает туман равнодушия, и маленьким героям предстоит бросить вызов самой системе. Это не просто сказка, а терапевтическое путешествие для детей и взрослых. История о том, как тишина может разрушить стены, а «Закон Золотого Сердца» — согреть целый мир.

Содержание

Глава 1: Пробуждение оранжевого времени.	4
Глава 2: Потерянная капля и большая инспекция.	8
Глава 3: Жужжащая дипломатия.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Елена Носалик

Оранжевое время.

Носалик Елена.

Глава 1: Пробуждение оранжевого времени.

Мудрая Сова переступила с лапы на лапу, устраиваясь поудобнее на шершавой дубовой ветке, и моргнула большими пуговичными глазами. Внутри нее тихонько звякнул часовой механизм, отсчитывая начало новой истории. Мир внизу казался сшитым из самых уютных лоскутов. Склоны холмов покрывал густой зеленый фетр, а там, где солнце касалось земли своими вязаными лучами, вспыхивали они — Жарки. Огромные, пухлые цветы с лепестками из плотного оранжевого бархата. Они покачивались на ветру, и казалось, что все поле тихонько дышит. Сова расправила перья и ухнула в густую утреннюю тишину. Пора было просыпаться. Глубоко внутри самого крупного и теплого цветка кто-то чихнул. — Пчи-пчи пых! Пыхтик открыл глаза. Вокруг все светилось мягким, персиковым светом, словно он очутился

внутри гигантского апельсинового абажура. Было тепло, тесно и пахло цветочной пылью. Пыхтик потянулся, расправляя свои пушистые, похожие на абрикосовую шерсть бока, и случайно уперся лапкой в стенку своего домика. Бархатный лепесток поддался с тихим скрипом и медленно откинулся назад, как дверца старого сундука. В щель тут же ворвался свежий, прохладный воздух, пахнувший утренней росой и чем-то неуловимо огромным. Пыхтик осторожно высунул нос наружу. А потом высунулся целиком — и так и замер, забыв, как дышать. Его крошечный закрытый мирок вдруг исчез. Вместо него во все стороны раскинулось Нечто. Оно было бесконечным, зеленым, полным шорохов, звона, переливов света и теней. Высокие травинки качались, как мачты кораблей, а где-то вдали блестела извилистая лента ручья. — Ого, — прошептал Пыхтик, и его голос потерялся в этом огромном пространстве. Потом он набрал побольше воздуха в грудь и сказал громче: — ****Ого-гошеньки!**** Его переполняло странное чувство — будто внутри надувался теплый воздушный шар. Это была радость. Радость от того, что мир такой большой, и он, Пыхтик, теперь его часть. От восторга он не удержался на гладком лепестке и с мягким стуком плюхнулся вниз, прямо на подушку из зеленого мха. — Ох-хо-хо Опять с неба падают. Никакого порядка, — раздался сверху скрипучий, но на удивление бархатистый голос. Пыхтик поднял голову. Перед ним стоял Дядюшка Ох. Он был похож на старый, любимый твидовый носок, к которому

кто-то заботливо пришил ручки, ножки и подтяжки. В руках Ох держал здоровенную деревянную ложку, на которую опирался, как на посох. — Вы кто? — восхищенно спросил Пыхтик. — Вы такой полосатый! — Я — Дядюшка Ох, — вздохнул тот, поправляя подтяжки. — И я не полосатый, я умудренный жизненным опытом. А ты, стало быть, только что распустился? Выглядишь слегка растрепанным. Ох-хо-хо, молодежь нынче пошла — даже причесаться перед выходом в свет не могут. Не успел Пыхтик ответить, как по соседней травинке, словно по пожарному шесту, с оглушительным «Вжиииих!» съехало что-то крошечное, блестящее и очень стремительное. — Стоять! Не двигаться! Инвентаризация! — раздался звонкий, как стеклянный колокольчик, голос. Это была Кнопочка. Идеально гладкая, в строгом берете из жесткого бордового фетра, она держала в руках блокнот из бересты и крошечный уголек. — Так, — Кнопочка прищурилась, оглядывая Пыхтика с ног до головы. — Новый житель. Вид — пушистый обыкновенный. Состояние — помятое. Почему лепесток у цветка откинут не под прямым углом? Вы нарушаете геометрию поля! Пыхтик заморгал. Он переводил взгляд с ворчливого, мягкого Дядюшки Оха на строгую, блестящую Кнопочку. Они были такими разными! Один напоминал теплое одеяло, из-под которого не хочется вылезать дождливым утром, а вторая — будильник, который звенит ровно в семь ноль-ноль. И тут Пыхтик понял одну удивительную вещь. Если бы все вокруг были похожи

на Кнопочку, мир превратился бы в строгую разлинованную тетрадь. А если бы все были Дядюшками Охами — Поле Жарков просто уснуло бы под вечный аккомпанемент вздохов. — А я — Пыхтик! — радостно объявил он, отряхивая мох с коленок. — И я просто очень рад вас видеть! Даже если я помятый, а лепесток кривой. Кнопочка замерла с занесенным над берестой угольком. Дядюшка Ох крякнул и спрятал улыбку в свои твидовые усы. Солнце окончательно поднялось над Полем Жарков, раскрашивая мир в яркие, густые цвета. Оранжевое время началось, и впереди их ждало столько всего интересного.

Глава 2: Потерянная капля и большая инспекция.

Каждое утро Кнопочки начиналось с геометрически выверенных процедур. Сначала она поправляла свой жесткий фетровый берет так, чтобы он сидел ровно под углом в сорок пять градусов. Затем доставала берестяной блокнот и пересчитывала тычинки на ближайшем Жарке (их всегда должно было быть ровно двадцать восемь). Но главным ритуалом был поиск Идеальной Росинки. Сегодня ей несказанно повезло. На гладком, как зеленый пластик, листе подорожника она нашла Её. Росинка была безупречна: абсолютно круглая, прозрачная, без единой пылинки внутри. Кнопочка аккуратно подцепила её краем листа и перекатила на самый кончик своего носа. — Изумительно, — прошептала она, глядя на свое отражение в луже. — Стопроцентный стандарт качества! Кнопочка гордо задрала нос и помаршировала по своим делам, чувствуя себя центром порядка в этом лохматом, нечесаном мире. Но солнце поднималось всё выше. Его вязанные лучи становились горячее. Кнопочка остановилась, чтобы записать в блокнот подозрительно кривую травинку, моргнула и вдруг почувствовала, что кончику носа стало сухо. Росинки не было. — Внимание! Чрезвычайное происшествие! — прозвенел над полем её голос, распугав стайку пу-

шистых мошек. — Код красный! Хищение идеальной формы! Пыхтик, который в это время пытался заплести в косичку стебелек одуванчика, от неожиданности кувыркнулся в мох. Дядюшка Ох, дремавший под шляпкой старого гриба, открыл один глаз и тяжело вздохнул: — Ох-хо-хо Ни минуты покоя. Опять где-то нарушен регламент. Кнопочка носилась по поляне, размахивая угольком. — Объявляется масштабная инспекция! Никому не покидать свои лепестки! Кто-то присвоил мою Идеальную Росинку, пока я отвернулась. Диаметр — три миллиметра, особые приметы — безупречная круглость! — А может, она просто ушла погулять? — робко предположил Пыхтик, отряхивая абрикосовую шерстку. — Мир ведь такой большой, вдруг ей стало скучно сидеть на одном носу? — Вода не ходит гулять! Вода подчиняется законам физики и Уставу Поля! — отрезала Кнопочка. У нее даже берет слегка съехал набок от возмущения. — Я должна всё контролировать! Иначе иначе всё развалится! Внезапно сверху, с шершавой дубовой ветки, раздался тихий металлический щелчок, а затем мягкий голос: — То, что мы пытаемся удержать слишком крепко, исчезает быстрее всего. Герои подняли головы. Мудрая Сова смотрела на них своими пуговичными глазами. Внутри её механического живота ритмично тикали шестеренки. — Уважаемая Сова, — Кнопочка вытянулась по струнке. — У меня пропажа. — У тебя не пропажа, маленькая любительница прямых углов, — Сова переступила лапками по коре. — У тебя — путешественница.

Твоя розинка нагрелась на солнышке, стала легким невидимым паром и полетела наверх. Там она встретится с другими капельками, превратится в пухлое облако, а потом прольется веселым дождем над дальним лесом. Это называется круговорот. Кнопочка опустила уголек. Её берестяной блокнот с тихим стуком выпал из рук. — В облако? — растерянно пискнула она. — Но как же я поставлю на облако инвентарный номер? Я не могу контролировать небо Ей вдруг стало очень обидно. Оказывается, в мире есть вещи, которые происходят сами по себе, без её разрешения, и их невозможно записать в ровную табличку. Дядюшка Ох подошел поближе, шурша своими твидовыми ножками, и по-доброму похлопал её по плечу деревянной ложкой: — Ох-хо-хо, деточка. Если бы мы могли всё контролировать, жить было бы невыносимо скучно. Оставь небу его облака. Пока Кнопочка грустно шмыгала носом, переживая утрату контроля, Пыхтик возился в зарослях густой, как ковер, медуницы. — Смотри! — вдруг крикнул он, радостно выскакивая из травы. В лапках он бережно держал пушистый листик. — Я нашел тебе новую! Кнопочка заглянула в листик. Там лежала капля. Но она была совершенно не круглая. Она была похожа на толстенькую, неуклюжую запятую, с одним пухлым боком и вытянутым хвостиком. — Она же кривая, — с сомнением сказала Кнопочка. — Она нарушает все законы геометрии. — Зато посмотри, какая она смешная! — Пыхтик улыбнулся так широко, что его глазки превратились в щелочки. — В

твоей идеальной росинке отражалось только ровное небо. А в этой отражается весь мир: и травинки, и Дядюшка Ох, и ты! И все мы в ней такие забавно-пузатые! Кнопочка при-смотрелась. Действительно, в пухлом боку неидеальной капли отражался искаженный, смешной Пыхтик и длинный, как сосиска, Дядюшка Ох. Это было так глупо и так весело, что Кнопочка не выдержала. Она хихикнула. Сначала тихо, а потом звонко, как весенний ручеек. Она осторожно пересадила кривую каплю себе на нос. Капля смешно задрожала, щекоча кожу. — Ладно, — сказала Кнопочка, поправляя берет. — Инспекция отменяется. В конце концов, иногда можно позволить миру побыть немножко кривым. Пыхтик радостно захлопал в ладоши, а Сова на дереве тихонько ухнула, и её часовой механизм довольно зажужжал. Оранжевое время текло дальше, не спрашивая разрешения ни у каких правил.

Глава 3: Жужжащая дипломатия.

Сначала задрожал мох. Мелкая, щекотная дрожь пробежала по зеленым фетровым холмикам, заставив пушинки одуванчиков испуганно вжаться в стебельки. Затем пришел звук. Густое, тяжелое «ЖЖЖЖЖЖЖУ-У-У» обрушилось на Поле Жарков, словно кто-то включил в небе гигантский пылесос. Воздух стал плотным и начал вибрировать. Над оранжевыми бархатными бутонами завис Он. Огромный Шмель-грузовик. Его полосатые черно-желтые бока были связаны из самой толстой, колючей шерсти. Прозрачные слюдяные крылья мельтешили так быстро, что сливались в размытое пятно, поднимая настоящую бурю. Бабах! Шмель неуклюже, с разлету плюхнулся на самый красивый цветок, безжалостно смяв его лепестки. Бутон жалобно скрипнул и накренился. Кнопочка мгновенно выхватила свой берестяной блокнот. Её строгий бордовый берет воинственно съехал на ухо. — Возмутительно! Нарушение шумового режима! Несанкционированная жесткая посадка! — зазвенела она, бесстрашно бросаясь к мохнатой горе. — Я выписываю вам штраф! Немедленно заглушите мотор и предъявите путевой лист! Но Шмель только яростнее загудел. Его шесть черных лапок, похожих на жесткие проволоочки, отчаянно скользили по гладкому бархату оранжевых лепестков. Он пытался ухватиться, срывался, кренился набок, злился и жужжал так

оглушительно, что у Пыхтика заложило уши. — Жжжуткие цветы! Жжжутко скользко! Жжжутко бесит! — басил незваный гость, отчаянно молотя крыльями и сбивая драгоценную пыльцу. Дядюшка Ох уже спрятался за толстый сухой корень, натянув свою твидовую шляпу на самые глаза и причитая: «Ох-хо-хо, никакого уважения к тишине». Кнопочка размахивала угольком, пытаясь перекричать рев. А Пыхтик Пыхтик просто смотрел. За грозным гудением и пугающими размерами он не видел злостного нарушителя. Пыхтик прищурился и заметил, как тяжело и прерывисто вздымаются мохнатые бока Шмеля. Как к его задним лапкам прилипли огромные, неподъемные мешки с желтой пыльцой. И как отчаянно, почти в панике, он пытается не упасть с качающегося цветка. Шмель был не злой. Он был просто невероятно уставшим и очень злился на свою собственную неуклюжесть. — Подожди, Кнопочка! Не пиши штраф! — Пыхтик бросился вперед, прямо под ветер от огромных крыльев. На ходу он начал стягивать с шеи свой любимый шарф, связанный из мягкой, цепкой абрикосовой пряжи. Добравшись до края цветка, Пыхтик размахнулся и изо всех сил забросил конец шарфа на скользкий лепесток, прямо под барахтающиеся лапы Шмеля. — Держитесь за это! — закричал он что есть мочи. — Оно не скользит! Проволочные лапки инстинктивно вцепились в мягкую вязку. Шмель замер. Он перестал съезжать вниз. Тяжело выдохнув, он со щелчком сложил крылья на спине, и оглушительное гудение наконец

стихло. На поле опустилась звенящая, осторожная тишина. — Ох-хо-хо Столько шума из-за того, что кому-то просто не за что было держаться, — раздался скрипучий шепот. Из-за корня медленно появился Дядюшка Ох. В руках он бережно, как величайшее сокровище, нес отломанный кусочек своей знаменитой ванильной печенки. Она пахла домашним уютом, теплыми вечерами и абсолютным спокойствием. Дядюшка Ох подошел к поникшему Шмелю и протянул угощение. Тот недоверчиво пошевелил длинными усам-антеннами, принялся, а затем осторожно взял крошку. Его колючая шерсть вдруг перестала топорщиться, став гладкой и миролюбивой. — Жжж спасибо, — виновато и гулко буркнул Шмель, пережевывая печенье. — Тяжелый рейс. Ветер встречный. А у вас тут и приземлиться негде, всё такое нарядное, бархатное Жжжутко неудобно садиться с грузом. Простите за цветок. Кнопочка опустила свой блокнот. Она посмотрела на смущенного, усталого гиганта, который с аппетитом уплетал ванильную крошку, затем на Пыхтика, аккуратно распутывающего свой шарф. Её уголек завис над берестой. Она решительно перечеркнула жирной линией слово «ШТРАФ». — Так, — скомандовала она, поправляя берет. — Штраф отменяется. Но инфраструктуру придется менять. Нам нужна перевалочная база! К вечеру работа была закончена. На самом краю Поля, там, где нежный бархат лепестков сменялся широкой и шершавой древесной корой, герои обустроили специальный аэродром. Пыхтик принес туда мягкий

цепкий мох, чтобы лапки гостей больше никогда не скользили, а Дядюшка Ох установил крошечный деревянный ящичек со стратегическим запасом ванильных печенек — для особо уставших путников. Шмель улетел, сытый и спокойный, пообещав больше никогда не гудеть над самым ухом и всегда тормозить заранее. А Пыхтик сидел на теплой земле, кутаясь в свой шарф, и думал об одной очень важной вещи. Иногда тот, кто громче всех жужжит, кричит и возмущается, вовсе не хочет никого обидеть. Чаще всего он просто очень сильно устал, и в этом гладком мире ему отчаянно не за что зацепиться. И вместо того чтобы кричать в ответ, нужно просто протянуть ему свой пушистый шарф

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.